

ПИСЬМА РАФАЭЛЮ

Ан. МАКАРОВ

Редакцию часто просят сообщить адрес учреждения, выслать наложенным платежом какую-нибудь дефицитную новинку, откровенно ответить, не является ли герой опубликованной недавно лирической поэмы другом детства одного нашего внимательного читателя. Разные бывают просьбы. Однако в последнее время настойчиво повторяется одна и та же — столь деликатного свойства, что даже бестрепетные сотрудники отдела писем охватывает некоторая робость. Нас просят, а иногда даже умоляют выступить в роли... уж не знаю, как и сказать, посредника, что ли, почтальона нежных чувств, конфиденциала, как выражались в старину, — одним словом, доверенного лица. Лица, которому многие девушки — Тани, Маши, Веры, работницы, школьницы, студентки — доверяют передать слова привета и самой пылкой любви испанскому певцу Рафаэлю. Вместе с этими уверениями поручается передать еще и письма, цитировать которые здесь по причине их крайней возновзанности не стои, а также фотографии юных корреспонденток, художественно выполненные в различных ателье различных городов.

Сначала мы просто улыбались курьезу — во все времена наивные сердца склонны были создавать себе кумиров из сладкоголосых соловьев, выходящих на оперные и эстрадные подмостки. Потом обилие сердечных поручений стало нам досажать, особенно после того, как в редакцию явился дедушка одной из поклонниц Рафаэля и сурово осведомился, передали ли мы певцу ту телеграмму из сорока пяти слов на художественном бланке, которую отправил артисту на наш адрес его внучка. А под конец, когда мы подвели некоторый итог всем этим излияниям, исповедам и признаниям, нам сделалось даже грустно. Всегда бывает грустно, когда присутствуешь при том, как тратится попусту жар души, как фейерверк самых искренних чувств вспыхивает и рассыпается по поводу, совершенно не соотносимому с такой загроможденной эмоциональной энергией.

К этой грусти примешивалась еще и странная обида: многие авторы писем (кстати, и авторы тоже попадались, хоть и в меньшинстве) признавались, что песни Рафаэля явились самым сильным потрясением их жизни, что, услышав эти песни, они сделались другими людьми. Так вот, обидно все-таки, что в стране великой литературы и искусства самое сильное художественное впечатление может произвести на кого-то певец Рафаэль.

«Искусство не брезгливо», — сказал философ, и был совершенно прав: я могу бездну удовольствий получать от допотопного танго «Брызги шампанского», но я ведь даже в пылу запальчивого спора не брякну вдруг, что эта душещипательная музыкальная пьеса потрясла меня больше, нежели, например, романс на стихи Сергея Есенина «Клен ты мой опавший», — не станем приводить других, более сложных примеров. Искусство не брезгливо — это верно в том смысле, что оно не знает жанров «высоких» и «низких», однако искусство и весьма взыскательно, когда — даже в рамках одного жанра — речь заходит о степени выражения правды — и чувств, и мыслей. Именно тут Рафаэль и многие его коллеги при всей своей непосредственности — кстати сказать, хорошо рассчитанной — очень уж скользят по поверхности. Да и какие, впрочем, могут быть к ним претензии, они ведь призваны развлекать — как оптимизмом, так и меланхолией, — тешить, убаюкивать, но уж никак не быть властителями дум.

Один почитатель Рафаэля, проживающий в Ясной Поляне, привел в качестве примера лирических откровений певца следующие слова его песни: «Если любишь меня, скажи об этом лучше сегодня, чем завтра».

Сделаем скидку на некоторую корявость подстрочного перевода, а заодно и на молодость нашего корреспондента, все равно, живя в Ясной Поляне, можно было бы подыскать слова, подающие более основательный повод для восхищения.

Однако пусть не подумают многочисленные поклонники испанского Рафаэля, что автор этих заметок задает целью опрокинуть их кумира в прах, оспорить его дарование и растоптать его даровый венок. Как говорится, ни-ни, пальцем не тронем. К самому певцу, этому изысканному кавалеру с выражением хорошо отретенированного лукавства на лице, ни малейшего зла мы не питаем. Он типичный продукт своего времени и своих социальных условий, он запущен на эстрадную орбиту мощной машиной музыкального бизнеса, способной учитывать тончайшие настроения потребительского спроса, и, если притяжение этой машины ему когда-либо удастся преодолеть, можно будет говорить о нем как об артисте. Итак: не ему наши упрёки. Наше сожаление и наши предостережения обращены к тем зрителям и слушателям, для кого

этот заезжий гость олицетворял весь свет в оконце — все искусство, все эстетические ценности, все художественные возможности. Есть старое сравнение: если долго под видом шампанского пить прокисший квас, то потом однажды и шампанское лучшей марки может показаться невкусным. Если с такой страстью отдавать все душевные силы Рафаэлю эстрадному, то что же останется для Рафаэля настоящего? Вдруг ничего не останется? Молодость легковерных поклонниц не вызывает у нас снисходительной улыбки. Ибо она как раз лучшее время для воспитания чувств, для открытия мира, для постижения искусства как среды, создающей человеческую личность.

Николай Васильевич Гоголь написал однажды, обращаясь к молодым людям: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое, ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!»

Любовь к прекрасному, понимание прекрасного — это тоже «человеческое движение», важнейшее притом, самым тесным образом связанное со всеми прочими движениями души. Автору этих строк знакомы люди, которым в свое время энергичная песенка «Джонни — из а бой форм» казалась шедевром, впитавшим в себя все то, чего только можно ожидать и требовать от искусства. Ни о чем другом они ни знают, ни слышать не хотели. Теперь эти люди наслаждаются в кино «Королевой Шантеклера», а один лишь вид книги, в которой больше ста страниц, вызывает у них судорожную зевоту. Всем богатствам культуры они предпочитают песенки типа «Спасибо, аист!», где под видом душевности выступает слащавая сентиментальность, детски в семнадцати сериях и о двадцати восьми убийствах, где сложность борьбы заменена эффектным мордобоем, скоростные романы, где приключение — не прием, помогающий раскрытию характера, а единственный смысл и единственная соль сочинения.

Культурный ширпотреб, если ему довериться, опасен не своей простотой (простота никому еще не мешала, прост Чехов, просты импрессионисты), но своей однозначностью. Он не требует от зрителя, слушателя, читателя никаких нравственных усилий, никакого душевного напряжения. Поклонники того же Рафаэля тратят свои молодые силы на восторг и агитацию, а вовсе не на постижение его искусства — постигать ничего не приходится.

Искусство не заставляющее душу трудиться, душу и не развивает. Между тем настоящее искусство существует ведь вовсе не для того, чтобы «украшать» жизнь, наподобие того, как «украшает» шоферскую кабину вырезанная из журнала ослепительная красавица; оно занимается духовной жизнью человека, то есть именно тем самым, без чего люди не были бы людьми. Искусство может обращаться к миллионам людей, ко всему человечеству в целом, и в то же самое время оно обращено к каждому человеку лично, к каждому человеку в отдельности. Может быть, поэтому Гамлетов на свете не столько, сколько актеров, исполняющих эту роль, а столько, сколько читателей и зрителей. А поточная продукция в искусстве безлична, она, конечно, учитывает определенные потребительские параметры — иначе какой бы был на нее спрос, однако личного выстраданного отношения ни от кого не требует. Она рассчитана совсем на другое — на приятное безделье, неотягощенное раздумьями, на всеобщее внезапное увлечение — нечто вроде психоза на развлекательной почве.

Лег двадцать назад, когда я был учеником, у нас в школе время от времени возникали внезапные страсти: то вся школа начинала носить огромные мотоциклетные очки на резине, то почиталось постыдным явиться в класс без небольшой из проволоки выгнутой рогазки, то наступала эпоха рыцарских турниров — одна половина класса влезает на спину другой половине и вызывает на бой соседей из параллельного класса — по истечении недели мода неожиданно иссякала, пропадала, как сквозь землю проваливалась, не оставив после себя ни малейшего следа, если не считать синяков и царапин. Нечто подобное происходит и в области повальных культурных увлечений: а потому мода на Рафаэля, к примеру, пройдет столь же внезапно, сколь внезапно она и возникла, и нынешние неистовые поклонники сами потом не разберутся, отчего они сходили с ума, зачем сочиняли унизительные в своих неумеренных восторгах письма?

Одна девушка сообщает нам, что у них в городе вот уже шесть месяцев показывают фильм «Пусть говорят» и каждый день она отбывает в кинотеатр счастливую повинность, любясь своим кумиром и внимая ему. Когда подумаешь о том, что

за эти шесть месяцев можно было сходить в библиотеку, в картинную галерею, в музей, можно было изменить что-то в своем сознании, дать себе труд совершить хоть одно самостоятельное, кровное открытие для себя, в голову приходят невеселые мысли о потерянном времени и утраченных возможностях. Двадцатидвухлетней нашей корреспондентке эти соображения о необратимости бытия, естественно, еще чужды. Пока чужды. Но если искренность и отзывчивость ее натуры не зачерствеют с годами, она не просто посмеется однажды над наивными терзаниями своей юности, она еще и пожалеет о полугоде жизни, потраченном на безоглядное упоение Рафаэлем.

Впрочем, автора не прельщает поза того гостя пушкинской Лауры, который пугал юную красавицу грядущей старостью и вообще всячески стремился омрачить праздник жизни. Высказав непредвзятое мнение о Рафаэле, я вовсе не собираюсь ошельмовать и предать анафеме так называемый «легкий» жанр, который в лучших своих проявлениях, во-первых, не так уж легок, а во-вторых, весьма скрашивает жизнь, если только относиться к нему именно так, как он того заслуживает, — не преувеличивая. Более того, я склонен полагать, что такое нервное увлечение приезжим испанцем (а завтра японцем, а вчера французом) вызвано отчасти тем, что наша собственная развлекательная индустрия излишне скромна и робка, а потому молодежь (и не только молодежь) в поисках ярких, праздничных впечатлений готова принять умелых и очень профессиональных гастролеров чуть ли не за гениев, упирающихся головой в солнце.

«Давайте жить красиво», — сказал некогда своим воспитанникам Антон Семенович Макаренко. О том, что необходимо разнообразить, украшать будничное бытие, много раз говорил Алексей Максимович Горький. Памятуя о нынешней проблеме свободного времени, эти слова надо воспринимать просто как руководство к действию. Со скукой надо воевать даже тогда, когда она воплощается в чрезвычайно серьезные, почти академические формы.

Одним прекрасным субботним вечером в одно и то же время по трем программам телевидения передавали три лекции: из области медицины, транспорта и сельского хозяйства. Не вызывает сомнений их глубокая содержательность, однако нет сомнений и в том, что и медики, и железнодорожники, и колхозники в свободный вечер предпочли бы посмотреть талантливую и веселую программу. Культура увеселений хороша, когда она всегда под рукой, когда она по первому желанию заполняет быт, развлекая просто и естественно, не превращаясь ни в пугало, ни в фетиш.

Прошлой осенью в Париже друзья повели меня в клуб. Он размещался в небольшой комнате глубокого старого подвала, весьма напоминающего наши московские, где некогда складывались дрова. Работало в клубе два человека. Один разливал напитки, второй пел, аккомпанируя себе на гитаре. Приходят в клуб, разумеется, ради второго, ради его песен, и веселых и горьких, и наивных и мудрых, и французских и русских, — например, московской «Цыганочки», повесть каким путем залетевшей на Монпарнас. Замечательная атмосфера этого клуба, сочетающая в себе официальность концертного выступления и особую дружескую интимность «своей» компании. Когда мы прощались, друзья спросили меня: можно ли в Москве провести такой вот простой и душевный вечер. Я сказал, что можно. Не вдаваясь в подробности и не объясняя, что для этого надо попасть куда-нибудь в гости или на вечер отдыха в какой-нибудь театр. А на скамеечке возле моего дома каждый вечер собираются с гитарами юные певцы. Вопреки общепринятой иронии, ребята они способные и аудитория у них постоянная. Осень уже не за горами, а под дождем много не напоешь...

Большое начинается с малого. Родство с великой культурой, неразрывная с ней связь возникает порой с песни, услышанной в поле, в вагоне поезда, во дворе старого городского дома. Что касается меня, то мне хочется пожелать нынешним поклонникам певца Рафаэля полюбить еще и Рафаэля Санти, великого художника и человека Возрождения. Я желаю им вырваться из сферы простодушных несложных интересов и открыть себе самим еще многих поэтов, композиторов и художников, преобразующих силой своего гения наше сознание, просветляющих душу, помогающих жить. Я желаю им счастливого разнообразного досуга и постоянного нравственного труда, возвышающего дух.

Наставник же в этом труде — все наше общество, с его системой духовных ценностей, с его интенсивностью умственной жизни, с его благородством моральных устремлений.

обозрение нравов